

в Воронеже. А боевой свой путь начала в Архангельске в войсках противовоздушной обороны.

Валентина Алексеевна Батурлина на момент начала войны жила в Ленинграде:

«Когда началась война, все взрослое население призвали на фронт. Я тоже просилась, но не взяли, сказали, что здесь нужна. Я стала трудиться во 2-м аварийно-восстановительном полку НПО г. Ленинграда. Я была и донором. За сдачу крови давали кусочек хлеба и маленький кусочек масла. Бомбили очень часто, погибало много народу, люди замерзали от голода прямо на улице».

Война потребовала от наших героинь владения совсем не женскими профессиями:

«Мы, девушки-солдаты, лучами прожекторов ловили вражеские самолеты, а зенитчики сбивали их с помощью моего расчета», – вспоминает Клавдия Кузьминична Фомина. Она прошла всю Украину. В одном из боев была контужена. После госпиталя ее направили на службу в штаб части, где она «несла охрану боевого знамени полка», о чем с гордостью и сообщила нам.

Война никого не щадила, и наши героини были ранены, контужены, но после выздоровления снова возвращались в строй.

Так, Раиса Степановна Баюшева вспоминает, что лишь два месяца выполняла свои обязанности санинструктора, а затем ее контузило, и она оказалась в госпитале в Ростове-на-Дону:

«Немцы стали наступать, свернулся госпиталь, эвакуировался на восток. Я, как выздоравливающая, попала в горно-стрелковую дивизию и в составе стрелковой роты прошла в боях по всему Крыму. Только сейчас и помню – бой, грохот, а я ползу вперед, тащу раненого до своих окопов и снова вперед. Все чувства исчезали, не человек, а машина».

На вопросы: «Как и где Вы встретили известие о победе» получили, как и ожидали, почти одинаковые ответы:

«Счастье было великое, словами не передать» (Воловикова). «Победу, которую, конечно, мы все так ждали, что вам не передать, встретила я в Черновцах» (Фомина). «Известие о победе встретила в Чехословакии» (Баюшева). Другая героиня, В. А. Батурлина, также встретила победу в Чехословакии, в Праге: «Тогда же мне было присвоено звание ефрейтора».

Крым, Украина, Польша, Чехословакия – по этим землям шли наши прекрасные героини и вместе с другими приносили людям радость освобождения от фашистов.

Студенты – собиратели воспоминаний ветеранов, получили нравственные уроки, что отразилось в создании ими портретов исполнителей. Так, о Г. В. Воловиковой: «Ее жизненная стойкость и мужественность поражает». Про таких людей, как Галина Васильевна, говорят: «На них мир держится». С восхищением пишут они о другой героине – В. А. Батурлиной: «Пережила 900 дней блокады, видела все ужасы войны – это очень сильный человек. И все в ее жизни складывалось, как она хотела, в ней чувствуется внутренняя сила и выносливость».

Награды наших героинь: орден Красной Звезды, медаль «За отвагу», «За освобождение Кавказа», «За боевые заслуги», но, как все, они единодушно отмечали, для них это не главное: «Не за ордена же воевали, а за Победу».

Наши прекрасные героини сделали самое главное – дали счастливую возможность жить всем нам в мире и согласии.

Список информантов:

Батурлина Валентина Алексеевна, 1923 г. р.
Баюшева Раиса Степановна, 1923 г. р.
Воловикова Галина Васильевна, 1922 г. р.
Фомина Клавдия Кузьминична, 1922 г. р.

Список собирателей:

Малофеева М. В.
Волченкова Д. Н.
Дремина Ю.
Прилепкина Н.

1. *Алексиевич С. А.* У войны не женское лицо. М. : Советский писатель, 1968.
2. *Аникин В. П.* Теория фольклора. Курс лекций. М. : КДУ, 2004.
3. *Бунин И. А.* Собрание сочинений : в 9 т. М. : Художественная литература, 1967. Т. 6.

4. *Соколов Б. М.* Поэзия деревни. Руководство для собирания произведений устной словесности. М. : Новая Москва, 1926. 166 с.

Ю. И. Дин РЕПАТРИАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ КАК ПРОБЛЕМА ПОСЛЕВОЕННОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ (1945–1950 гг.).

Вторая мировая война сыграла особую роль в истории Сахалинской области. Именно по результатам этой войны большая часть островного края вновь вошла в состав нашей страны. История перехода Сахалина и Курильских островов к Советскому Союзу тесно связана с военными действиями на Тихоокеанском театре Второй мировой войны, развалом Японской империи, послевоенным урегулированием, но более всего – с глобальными отношениями двух мировых сверхдержав – СССР и США.

Как мы помним, вопрос о Сахалине и Курильских островах решался на Ялтинской конференции антигитлеровского блока в феврале 1945 г. Тогда президент США Ф. Рузвельт обратился к И. В. Сталину с просьбой «помочь» американским войскам в войне против Японии, в отношениях с которой Советский Союз сохранял вооруженный нейтралитет. Сталин согласился открыть военные действия против Японии не позднее чем через три месяца после окончания войны в Европе. В обмен на военную помощь американская сторона предложила Советскому Союзу территорию Южного Сахалина и Курильских островов (японское название Южного Сахалина – губернаторство Карафуто (до 1943 г. имело статус колонии, в 1943 г. включено в губернаторство Хоккайдо), Курильских островов – Тисима (административно входили в состав губернаторства)), а также ряд других уступок. Обе стороны подтвердили существующие договоренности на Потсдамской конференции в июле 1945 г.

Советский Союз, в соответствии с договоренностями, объявил войну Японии 8 августа 1945 г. После этого началась масштабная военная операция советских войск на востоке. За считанные дни была принята капитуляция японской Квантунской армии, дислоцирующейся в Китае и Корее. На Сахалине и Курильских островах были проведены Южно-Сахалинская наступательная и Курильская десантная операции, которые приняли капитуляцию японских войск и полностью взяли эти территории под свой контроль.

В сентябре 1945 г. на Южном Сахалине и Курильских островах было учреждено Гражданское управление при штабе 2-го Дальневосточного фронта под руководством Д. Н. Крюкова. Именно Гражданское управление наводило порядок на островах, возвращало население, бежавшее в леса, организовывало подвоз продовольствия, восстановление работы промышленных предприятий и устройство мирной жизни. Также на период работы Гражданского управления приходится начало и первый этап репатриации местного японского населения.

Репатриация (под репатриацией в данном случае автор понимает возвращение на родину военнопленных или гражданских лиц, оказавшихся за ее пределами в результате войны, и проведенное государствами в соответствии с международными соглашениями) (17) населения Южного Сахалина и Курильских островов проходила в период с декабря 1946 до июля 1949 г. Репатриация шла через лагерь № 379 в г. Маока (Холмск) только в навигационный период. Транспортировку населения осуществляли на кораблях, присланных американцами (армия США в период 1945–1952 гг. полностью оккупировала Японию. Управление страной осуществлял Штаб Верховного Главнокомандующего Союзными войсками для Японии (до 1951 г. эту должность занимал генерал Дуглас Макартур, а в 1951–52 гг. – генерал Мэтью Риджуэй), именно с этим Штабом Советский Союз согласовывал все вопросы по репатриации японцев с Южного Сахалина и Курильских островов), но с японскими экипажами (японское правительство также несло все расходы).

Согласно заключенному 19 декабря 1946 г. американо-советскому соглашению по вопросу репатриации с территории, которая контролировалась СССР, возвращению в Японию подлежали все японские военнопленные и гражданские лица (последние в добровольном порядке). С территории Японии подлежали репатриации на территорию, подконтрольную СССР, 10 тыс. корейцев, которые были выходцами с северной части Корейского полуострова (1).

Надо сказать, что если репатриация японского населения была проведена успешно, то пла-

нировавшийся вывоз 10 тыс. корейцев не был осуществлен по той причине, что на пункт сбора к моменту убытия корабля явилось только 230 человек. Сделав несколько запросов в SCAP, советское командование приняло решение, что «репатриация по указанию МИДа отложена на неопределенный срок» (2).

Как указывалось выше, Гражданское управление Южного Сахалина и Курильских островов должно было сосредоточивать лиц японской национальности в лагере № 379 в г. Маока, а отсюда на предоставляемых американцами кораблях репатрианты вывозились на о. Хоккайдо. По постановлению Совета Министров Советского Союза Гражданское управление обязывалось с апреля по ноябрь ежемесячно привозить в г. Маока 30 тыс. японцев (3). Репатриация началась в 1946 г., а к июню-июлю 1949 г. из Сахалинской области были репатриированы все японцы, кроме подавших личное заявление о желании остаться на Сахалине. Всего было вывезено 272 335 человек гражданского населения и 8 303 военнопленных (4).

Несмотря на то, что репатриация японцев прошла в целом успешно и в сжатые сроки, во время ее проведения возникало множество проблем. В справке от 19 июня 1947 г. «по вопросу репатриации японского гражданского населения с территории Южного Сахалина и о препятствиях, чинимым Сахалинским Облсполкомом в сосредоточении контингента в лагерь № 379 – Маока» (5) сообщалось, что военное командование в течение 1946–1947 гг. постоянно напоминало Д. Н. Крюкову (иногда также и секретарю Сахалинского обкома партии Д. Н. Мельнику), что необходимо сосредоточивать по 30 тыс. японцев ежемесячно в лагере № 379. Однако указания военного командования Сахалинским обкомом не выполнялись, несмотря на угрозы возложить на обком и лично на Д. Н. Крюкова ответственность за срыв планов репатриации (6). В частности, Гражданское управление наотрез отказалось репатриировать японцев, проживавших вблизи железнодорожных линий, предложив сначала выселить людей из Углегорского и Лесогорского районов, что ставило ход репатриации в зависимость от Морфлота и погодных условий (7).

Д. Н. Крюков в личной беседе 27 марта 1947 г. заявил, что он «никаких указаний от правительства о репатриации японцев не имеет и направлять японцев в лагерь не будет» (8). В апреле 1947 г. Крюков запретил сосредоточивать японцев в лагере № 379, мотивируя свое распоряжение отсутствием указаний правительства. Из-за этого командующему Дальневосточного военного округа генерал-лейтенанту Александрову пришлось просить заместителя председателя правительства о немедленном распоряжении для точного выполнения постановления Совета Министров СССР (9). Кроме того, Крюков также заявлял, что у него нет выписки из постановления правительства, которая обязывала бы лично его заниматься вопросом сосредоточения контингента репатриантов в лагерь (10).

Д. Н. Крюков называл и причину своего поведения – отрыв японского населения от сфер производства, в которых они были заняты, грозил невыполнением государственного плана по промышленности и сельскому хозяйству. Чтобы предотвратить срыв плановых заданий, Крюков предложил снизить темпы репатриации гражданского населения с 30 до 10 тыс. человек в месяц. Военное командование ответило, что такое решение проблемы неприемлемо, поскольку в этом случае возникает необходимость увеличить темп репатриации военнопленных вместо 20 до 40 тыс., что «крайне нежелательно – военнопленные как организованная рабочая сила приносят больше пользы на работах в народном хозяйстве, нежели гражданское население, где на одного работающего приходится 2–3 неработающих члена семьи» (11).

В конце концов Д. Н. Крюков убедил руководство страны, что репатриация наносит ощутимый вред планам по промышленности и сельскому хозяйству области, и его позицию поддержали, запретив снимать японцев с производства, сначала заместитель председателя Совета Министров Л. П. Берия и министр внешней торговли А. И. Микоян (12), а потом и председатель Совета Министров А. Н. Косыгин (13). Репатриация японского населения, как указывалось выше, все равно завершилась в середине 1949 г., но сама ситуация ясно показывает, насколько промышленность Сахалинской области нуждалась в рабочих руках именно в этот период.

Однако помимо японского населения на Сахалине и Курильских островах присутствовало и корейское, вопрос о репатриации которого также стоял на повестке дня. Вместе с тем, вопрос о корейцах на Сахалине не был включен в вышеупомянутое советско-американское соглашение о репатриации, потому и требовал отдельного решения.

Так, 3 декабря 1947 г. генерал-полковник Голиков послал В. М. Молотову доклад следующего содержания: «По уточненным данным, на южном Сахалине проживает 23 298 чел. корейцев, которые, видя проводимые мероприятия по репатриации японцев, настойчиво выдвигают вопрос

об отправке их на родину. Со своей стороны полагал бы возможным начать репатриацию указанного числа корейцев в Северную Корею во второй половине 1948 г., о чем вопрос мною согласован с председателем облсполкома Южного Сахалина, со штабом 25-й армии (Сев. Корея) и с Морфлотом» (14).

27 декабря того же года военное командование на Дальнем Востоке опять запрашивало указания правительства о репатриации корейцев Южного Сахалина. Запрос содержал следующие данные: «в связи с общей подготовкой к репатриации на 1948 г. был возбужден вопрос перед В. М. Молотовым о возможности репатриации корейцев и представлен проект постановления правительства (3 декабря 1947 г. № 05118). Предварительно этот проект нами был согласован: 29 октября сего года запросили мнение т. Крюкова, который сообщил (6 ноября сего года № 78/су) о том, что корейцев целесообразно репатриировать во второй половине 1948 г.; на наш запрос 14 ноября 1947 г. за № 333ор поступил ответ т. Николаева (Зам. ПримВО) о возможности репатриации и расселении корейцев на летний период; Морфлот на наш запрос сообщил, что перевозка их может быть обеспечена во второй половине 1948 г. Представляя проект постановления правительства, в письме к В. М. Молотову было изложено мнение генерал-полковника т. Голикова о возможности репатриации корейцев во второй половине 1948 г. Это и правильно, ибо задержка 23 000 корейцев как рабочей силы для нас погоды не делает, а репатриация их в Северную Корею крайне целесообразна» (15). К этому докладу был приложен соответствующий проект постановления Совета Министров СССР.

Однако Д. Н. Крюков и поддерживавшие его местные управленцы смогли убедить советское правительство отложить репатриацию корейцев. Совет Министров РСФСР и Министерство Вооруженных Сил СССР сообщили, что вследствие создавшегося на предприятиях Южного Сахалина напряженного положения с обеспечением рабочей силой производить репатриацию корейцев с Сахалина до осени 1948 г. нецелесообразно. Так, в докладной записке Я. А. Малик просил В. М. Молотова согласиться с мнением Совета Министров РСФСР и Министерства Вооруженных Сил СССР и репатриацию корейцев с Южного Сахалина в Корею отложить. В. М. Молотов на доклад наложил следующую резолюцию: «Не возражаю (плюс надо сказать хоз. органам, чтобы они постарались материально заинтересовать корейцев пребыванием на Сахалине)» (16).

Стоит обратить внимание на тот факт, что в 1948 г. советские власти решили только отложить репатриацию, не отказываясь от нее в принципе. Главную роль в принятии этого решения сыграла острейшая нехватка рабочей силы, которая создалась на Сахалине после репатриации японского населения. Поскольку репатриация японского населения была завершена в 1949 г., автору представляется возможным, что возвращение корейцев на родину было отложено до следующего года. В июне 1950 г. разразилась Корейская война 1950–1953 гг., что сделало репатриацию невозможной и по логистическим, и по гуманистическим причинам.

Таковы были условия и исторические обстоятельства, сопутствующие репатриации японцев и корейцев в первый послевоенный период. Японцы покинули Южный Сахалин и Курильские острова и были перевезены на Хоккайдо, а корейцы остались проживать на острове. После окончания Корейской войны накал противостояния социалистического и капиталистического блоков во всем мире был настолько силен, что любые контакты между бывшими странами-союзниками по антигитлеровской коалиции были отравлены взаимными подозрениями и конфронтацией. Разделение мира в годы «холодной войны» на два лагеря и «железный занавес», опустившийся между ними, стали непреодолимой преградой на пути сахалинских корейцев на родину.

1. ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 509. Л. 52–53.

2. Там же. Л. 110.

3. Ким И. П. Политическое, социально-экономическое и демографическое развитие территорий, присоединенных к Российской Федерации после завершения Второй мировой войны (Восточная Пруссия, Южный Сахалин, Курильские острова). 1945 – первая половина 1949 года: дис. ... канд. ист. наук. Южно-Сахалинск, 2010. 255 с. С. 48.

4. Ким И. П. Репатриация японцев с Южного Сахалина в послевоенные годы // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 12. С. 26–30.

5. ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 509. Л. 167–169.

6. Там же. Д. 510. Л. 54.

7. Там же. Д. 509. Л. 50, 111–112.

8. Там же. Д. 510. Л. 24.

9. Там же. Д. 509. Л. 26.

10. ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 509. Л. 55.
11. Там же. Л. 168–169.
12. Там же. Д. 510. Л. 24.
13. Там же. Д. 509. Л. 233.
14. Там же. Ф. Р-9526. Оп. 5. Д. 53. Л. 13.
15. Там же. Оп. 4. Д. 54. Л. 416.
16. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1264. Л. 1–2.
17. Российский энциклопедический словарь. Кн. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. 2015 с.

В. И. Жуматий, В. Н. Прямыцын
РОЛЬ ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ
В ВЫСАДКЕ МОРСКОГО ДЕСАНТА
НА о. ШУМШУ В АВГУСТЕ 1945 г.

*Один из пунктов, которые должен выполнить командир,
изучая обстановку и принимая решение
на выполнение задачи: установить, в какой мере помогают
или затрудняют выполнение время года,
время суток, условия видимости, освещенность,
состояние погоды.*

Временный боевой устав морских сил РККА 1937. П. 33 (1)

К окончанию Великой Отечественной войны советский Военно-морской флот имел значительный опыт подготовки и проведения морских десантных операций, в том числе и в сложных гидрометеорологических условиях. Курильская десантная операция стала последней морской десантной операцией Второй мировой войны. Можно было бы ожидать, что она будет проведена по всем правилам военно-морского искусства с всесторонним учетом фактических и ожидаемых гидрометеорологических условий, необходимость которого была закреплена в руководящих документах и не раз доказана на практике. Так, настольной книгой отечественных военных метеорологов в годы Великой Отечественной войны стала «Военная метеорология», написанная А. А. Кулаковым и В. А. Шгалем в 1940 г. В этой работе авторитетные теоретики и практики военно-метеорологического дела писали: «командование при принятии решения должно быть осведомлено о той метеорологической обстановке, в которой будут протекать действия войск. Для того, чтобы согласовать решение с той метеорологической обстановкой, в которой будут протекать действия, недостаточно только знать эту обстановку. Необходимо кроме того знать, как именно данная погода отразится на боевой работе бойцов и средствах борьбы» (2). Тем не менее, было допущено пренебрежение фактором погоды, что непосредственным образом сказалось на ходе операции.

Несмотря на то, что 14 августа 1945 г. кабинет министров Японии документально оформил решение о предстоящей капитуляции, приказ о прекращении боевых действий не был получен в удаленных гарнизонах, и они продолжали ожесточенное сопротивление. Одним из его очагов стали острова Курильской гряды, отделяющей Охотское море от Тихого океана. Наиболее укрепленным из них был самый северный о. Шумшу.

Искусная маскировка объектов на острове, частые туманы и низкая облачность не позволяли советской авиации установить его фактическую оборону. Только после завершения войны советское командование узнало, что к 1945 г. японцы создали на Шумшу мощные инженерные укрепления. Все участки его побережья, доступные для высадки десанта, прикрывали доты и дзоты, связанные между собой траншеями полного профиля и подземными ходами, обеспечивавшими в любое время маневр огневыми средствами. Всего здесь насчитывалось 34 дота и много дзотов (3). На танкоопасных направлениях были сооружены эскарпы и вырыты рвы. На высотах были оборудованы опорные пункты. Глубина инженерных сооружений противодесантной обороны доходила до 3–4 км. Защиту берега со стороны моря осуществляла полевая артиллерия (4).

Созданные на о. Шумшу подземные сооружения и галереи противник использовал не только для маневра силами и средствами, но и для всевозможных складов, госпиталей, электрических и телефонных станций, а также других объектов. Глубина этих сооружений достигала 50 м, что обес-

печивало им безопасность от артиллерийских снарядов и авиационных бомб (5). На двух аэродромах острова могли базироваться два авиаполка. Кроме того, на оз. Беттобу была оборудована база гидроавиации. На острове были искусно сооружены ложные районы обороны, стоянки самолетов, позиции артиллерии и танков. В юго-западной части острова противник имел хорошо оборудованную военно-морскую базу Катаока и в трех милях от нее на о. Парамушир – военно-морскую базу Касивабара, на которые могли базироваться легкие силы японского флота. Противодесантная оборона других островов Курильской гряды была значительно слабее, однако важнейшим ее фактором выступали географические особенности: многочисленные рифы, быстрые течения в проливах между островами и частота туманов обуславливали сложность действий морских десантных сил в этом районе.

Группировка противника на островах Курильской гряды была следующей: на о. Шумшу располагались 73-я пехотная бригада 91-й пехотной дивизии, 60 танков 11-го танкового полка, 31-й полк ПВО, Курильский крепостной артиллерийский полк, а также специальные части и подразделения. На о. Парамушир дислоцировались 74-я бригада (без двух рот) 91-й пехотной дивизии, 18-й и 19-й мортирные дивизионы и 17 танков 11-го танкового полка. На о. Матуа находился 41-й отдельный смешанный полк, на острове Уруп – 129-я отдельная смешанная бригада. На о-вах Итуруп, Кунашир, а также островах Малой Курильской гряды располагались части 89-й пехотной дивизии.

Всего на Курильских островах японцы сосредоточили более 80 тыс. солдат и офицеров, из них около 23 тыс. на о-вах Шумшу и Парамушир, оборудовали 9 аэродромов общей ёмкостью до 600 самолётов (6). Здесь был подготовлен мощный оборонительный район, который японское командование рассчитывало защищать до последнего. Вместе с тем, противник совершенно не ожидал высадки на острова Курильской гряды советских войск, а готовился к отражению американского десанта. Беспечность японцев ярко демонстрирует тот факт, что радиолокационная станция, расположенная на м. Кокутан-Саки и способная обнаружить приближение советского десанта, не функционировала (7).

Несмотря на очевидность скорейшей капитуляции Японии советское руководство понимало необходимость овладения островами Курильской гряды вооруженным путем. Дело в том, что президент США Г. С. Трумэн настойчиво добивался у И. В. Сталина предоставления американским вооруженным силам хотя бы одного из Курильских островов для использования его в качестве авиационной базы (8). При этом он заявлял, что речь идет не об американской или советской территории, а о «Курильских островах, о японской территории, вопрос о которой должен быть решен при мирном урегулировании» (9).

Необходимо было в кратчайшие сроки спланировать и провести десантную операцию по овладению островами. В ночь на 15 августа 1945 г. Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал Советского Союза А. М. Василевский поставил эту задачу командующим войсками 2-го Дальневосточного фронта и Тихоокеанского флота, выделив следующие силы: 2 стрелковых полка 101-й стрелковой дивизии, 279-й гаубичный артиллерийский полк, 169-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион и батальон морской пехоты – всего 8 824 человека, 126 орудий и 115 миномётов. Авиационная поддержка десанта была возложена на 128-ю смешанную авиадивизию и 2-й отдельный бомбардировочный полк морской авиации (10).

Эти данные свидетельствуют о том, что силы и средства, выделенные для десантной операции, были незначительны. При равенстве в живой силе на советской стороне было 2,5-кратное превосходство в артиллерии и минометах и 6-кратное в авиации, а на стороне противника – абсолютное превосходство в танках. Так как советским войскам необходимо было прорывать сильную противодесантную оборону, то противник находился в более выгодных условиях. Относительным следует считать и 2,5-кратное превосходство в артиллерии и минометах. В то время как вся полевая артиллерия и минометы десанта находились на борту кораблей и судов и могли быть применены только после выгрузки их на необорудованное побережье, японская артиллерия могла действовать из надежно защищенных укрытий по заранее пристрелянным участкам побережья. Применение советской авиации было крайне затруднено значительным удалением советских аэродромов от пунктов высадки десантных войск, в то время как базирование авиации противника на островах давало ей существенное преимущество. Отсутствие в составе десантных войск танков и, наоборот, наличие их у противника ставило его в еще более выгодное положение. В случае организованного сопротивления высадке все это предопределяло сложный и напряженный характер боевых действий.

Командующим Курильской десантной операцией был назначен генерал-майор А. Р. Гнеч-